

3. Антологія современной русской поэзіи.

„Поэзія большевистскихъ дней“ — подъ этимъ заглавіемъ Берлинское Книгоиздательство „Мысль“ выпустило въ свѣтъ сборникъ новѣйшей русской поэзіи, стиховъ, въ большинствѣ еще совершенно неизвѣстныхъ русской читающей публикѣ и уже хотя бы по одной этой причинѣ представляющихъ нѣкоторый интересъ. *)

Вѣдь „большевистскіе дни“ оказались не днями, а страшными годами, и вотъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ русской читатель, находящійся внѣ предѣловъ Совѣтской Россіи, лишень возможности знакомиться съ новыми произведеніями русской поэзіи.

Впрочемъ, и въ самой Совѣтской Россіи поэтическое творчество послѣднихъ лѣтъ остается неизвѣстнымъ для большинства интересующихся, такъ какъ сборники стиховъ въ Россіи почти не печатаются: тамъ „главбумъ“ (главный комитетъ бумажной промышленности) устанавливаетъ очереди на печатаніе допускаемыхъ къ изданію книгъ, огромное большинство очередей отдаетъ агитаціонной литературѣ и, въ лучшемъ случаѣ, учебной, и до поэзіи очередь доходитъ чрезвычайно рѣдко. Главнымъ способомъ популяризаціи своихъ произведеній для поэтовъ остается чтеніе ихъ въ „устныхъ альманахахъ“, которые съ лѣта 1918 года стали пользоваться въ Москвѣ большимъ успѣхомъ. Особенно сильно посѣщаются были „Трилистникъ“, гдѣ часто можно было услышать К. Бальмонта и Илью Эренбурга, и „Музыкальная табакерка“, гдѣ съ чтеніемъ своихъ произведеній выступали Валерій Брюсовъ, Сергѣй Ауслендеръ, Рюрикъ Ивневъ, Вадимъ Шпшеневичъ и др.

„Трилистникъ“ и „Музыкальная табакерка“ превратились въ клубы любителей поэзіи и здѣсь, какъ въ старыхъ литературныхъ кружкахъ, авторы читали свои новыя, оконченныя и неоконченныя произведенія, послѣ чего нерѣдко разгорались интересные литературные споры.

Иногда устраивались литературныя собранія, посвященныя какой-либо одной поэтической темѣ. Таковъ былъ устроенный въ Августѣ 1918 года въ „Музыкальной табакеркѣ“ Валеріемъ Брюсовымъ „вечеръ эротической поэзіи“ и организованный Сергѣемъ Ауслендеромъ „вечеръ памяти Петербурга“.

И казалось тогда, на этихъ вечерахъ, что русская поэзія не замретъ и въ страшные дни большевизма, что русское поэтическое творчество продолжается и будетъ продолжаться.

Сбылись ли эти надежды — не знаемъ Быть можетъ, и сбылись. Но что несомнѣнно, лежащій передъ нами сборникъ „Поэзія большевистскихъ дней“ не отражаетъ богатства русской поэзіи послѣднихъ трехъ лѣтъ.

*) „Поэзія большевистскихъ дней“. К-во „Мысль“, Берлинъ, 1921 г., стр. 125.

Не останавливаясь на хорошо известной всей читающей публикѣ поэмѣ А. Блока „Двѣнадцать“, которой начинается сборникъ, переходимъ сразу къ самому цѣнному, что, по нашему мнѣнію, имѣется среди остального матеріала книжки — къ стихамъ Ильи Эренбурга.

Илья Эренбургъ известенъ русскому читателю не со вчерашняго дня. Критика уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ отмѣтила его дарованіе. Мы не будемъ пытаться въ этой бѣглѣй замѣткѣ охарактеризовать его творчество; мы хотимъ лишь обратить вниманіе читателя на его послѣдніе стихи, рожденные тоской и жутью истекшихъ лѣтъ.

Это собственно даже не стихи: — это циклъ молитвъ, обращаемыхъ къ Богу: Господи заступись!

Илья Эренбургъ принадлежитъ къ числу русскихъ поэтовъ, воспринявшихъ 1917 годъ, какъ „Распятіе“ Родины.

Вокругъ творится что-то страшное; все живое гибнетъ подъ руками новыхъ „строителей жизни“, которые не считаются съ отдѣльнымъ человѣкомъ, съ его личной жизнью. Но человѣкъ не можетъ отказаться отъ себя, отъ своей личной жизни, отъ своихъ близкихъ, любимыхъ.

„Когда я гляжу на твою карточку, на письма —
 Все что у меня есть . . . можетъ не увижу больше . . .
 Я молюсь о тебѣ, о всѣхъ васъ, мои любимые!
 Если бъ я могъ
 Заслонить васъ молитвой, какъ птица заслоняетъ крыльями
 Пенцовъ.
 Господи, заступись! не дай ихъ въ обиду!
 Я не знаю — можетъ мы увидимся,
 Можетъ скажемъ обо всемъ „это былъ только сонъ!“
 А можетъ скоро уснемъ . . . “

Только молитвой можно заслонить близкихъ въ этой страшной странѣ, гдѣ „такъ неуверенно звучитъ голосъ: до свиданья! до завтра!“, гдѣ послѣ чтенія вороха газетъ „хочется выбѣжать, закричать прохожимъ: нѣтъ! Послушайте! такъ невозможно!“, гдѣ ночью „спятъ и не спятъ, и ходягъ на цыпочкахъ, и слушаютъ дыханіе ребятъ, и молятся. . .“

Идутъ молитвы о Россіи, „о матеряхъ, что прячутъ своихъ дѣтей“, „о тѣхъ, что ждутъ послѣдняго часа, о тѣхъ, что въ тоскѣ предсмертной молятся, о всѣхъ умученныхъ своими братьями“:

„О нашей родимой землѣ
 Миромъ Господу помолимся.
 О нашихъ поляхъ пустыхъ и холодныхъ,
 О нашихъ безлюбыхъ сердцахъ,
 О тѣхъ, что молиться не могутъ,
 О тѣхъ, что давятъ малыхъ ребятъ.“

О тѣхъ, что поють невеселыя пѣсенки,
 О тѣхъ, что ходять съ ножами и кольями,
 О тѣхъ, что брешуть языками песьими,
 Миромъ Господу помолимся.“ . . .

Лучшіе образцы творчества поэтовъ, „привъвшихъ“ октябрьскую революцію, отсутствуютъ въ разбираемомъ сборникѣ. А. Бѣлый представленъ однимъ незначительнымъ стихотвореніемъ, В. Маяковскій отсутствуетъ вовсе. Напечатанныя же произведенія молодыхъ „совѣтскихъ“ поэтовъ свидѣлствуютъ (за немногими исключеніями) главнымъ образомъ, о бездарности и въ то же время — самодовольствѣ авторовъ:

„Падайте ницъ, — Плюхайтесь -- Рыломъ въ болото. —
 Бѣльмами — Старого упыря — Гляньте: — Какой я красавецъ!“
 заявляетъ Петръ Орѣшникъ. И онъ же хочетъ выкрикнуть свои слова на весь міръ:

„Каменный ротъ мой — Распяленъ пѣсней — Отъ Востока до
 Запада.“ —

Отъ Петра Орѣшника не отстаютъ Василій Каменскій, тотъ Василій Каменскій, который въ 1918 г. въ Москвѣ позволилъ себѣ прочесть лекцію объ исторіи русской интеллигенціи, озаглавивъ ее „карьера сукинаго сына“. Такъ и значилось на афишахъ: „карьера сукинаго сына“, а въ скобкахъ „исторія русской интеллигенціи“.

Отчасти циничными, отчасти бредовыми словами продолжаетъ Василій Каменскій привѣтствовать совѣтскую власть: онъ „торжествуетъ марсельезно и революцію куегъ“.

А Г. Левенсонъ.